

Б. Н. Гайдин
г. Москва, Россия

ДВА КРЫЛАТЫХ ВЫРАЖЕНИЯ У. ШЕКСПИРА В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

В статье рассматриваются два примера использования шекспировских крылатых выражений в современной русской литературе, затрагивается проблема их научного описания в рамках тезаурусного подхода, осуществлена попытка выявить основные социокультурные причины того, почему некоторые варианты перевода известных шекспировских фраз получили более широкое распространение, чем другие.

В январе 2012 г. на тот момент премьер-министр РФ В. В. Путин опубликовал в «Независимой газете» статью «Россия: национальный вопрос» [1], в которой в качестве одной из мер по укреплению «русской культурной доминанты» сформулировал предложение о создании списка из 100 литературных произведений, которые должен самостоятельно прочитать каждый выпускник российской средней школы. На сайте Российского гуманитарного научного фонда (с 2016 г. – Отделение гуманитарных и общественных наук Российского фонда фундаментальных исследований) были опубликованы два предложения, содержащие возможные подходы к решению вопроса о том, каким образом следует формировать данный список.

Ученый Вл. А. Луков прислал вариант списка, составленный коллективом Института фундаментальных и прикладных исследований Московского

гуманитарного университета с применением общегуманитарного методологического тезаурусного подхода [2; 3; 4], согласно которому совокупность знаний каждого человека или группы людей структурируется по модели триады «свое – чужое – чуждое» [4, с. 97–119]. Таким образом, основное место в списке, конечно, заняли произведения отечественных авторов («свое»), периферийное – работы зарубежных писателей («чужое»). Особое место в списке заняли те иностранные авторы, произведения которых вошли в тезаурус русской культуры и оказали большое влияние на него (во многом благодаря переводу лучших мастеров русского слова). Таким образом, 20 % списка составляли те иноязычные писатели, которые «приобрели статус “русских зарубежных писателей”. Самый яркий пример – Шекспир» [5].

Исследователь В. З. Демьянков предложил концепцию «канонического списка» литературы, согласно которой в него следует включать те литературные произведения, «в которых родились наиболее частые крылатые слова» [6]. По подсчетам ученого, лидерами среди отечественных авторов являются А. С. Пушкин (>90), А. С. Грибоедов (>60), Н. В. Гоголь (>50) и И. А. Крылов (>45), среди зарубежных – У. Шекспир (>25), Гомер (>15), Цицерон (>15) И. В. фон Гёте (>10) [6].

Конечно, можно принять или оспорить обе эти концепции, как и саму идею создания некоего обязательного для прочтения списка литературных произведений. Однако сложно не согласиться, что любому человеку, стремящемуся получить качественное образование и глубокие знания мировой культуры, нужны некие ориентиры. Без них колоссальный поток информации, который ежедневно обрушивается на большинство из нас в современном мире, может существенно затруднить получение фундаментальных знаний, необходимых для становления полноценной и самодостаточной личности.

Как видим, У. Шекспир оказался в обоих списках. Таким образом, представляется, что изучение крылатых слов и выражений из шекспировских произведений, истории их переводов на русский язык, а также влияния на отечественный культурный тезаурус является одним из самых эффективных методов углубления знаний о различных феноменах как отечественной, так и зарубежных культур. При этом анализ шекспировских слов и выражений, ставших крылатыми на почве русской культуры, не ограничивается рамками литературы. Примеры их использования можно найти в театре, кинематографе, музыке, изобразительном искусстве и других областях культуры различных стран мира в разные исторические эпохи. Все это позволяет наглядно показать открытость границ между видами искусства, охарактеризовать диалог русской культуры с другими национальными культурами.

В современной лингвистике не утихают споры о крылатых словах и выражениях как единицах языка. На наш взгляд, было бы интересно рассмотреть некоторые лингвистические концепции, раскрывающие особенности крылатых слов и выражений, для изучения этой «разновидности гуманитарных констант» [4, с. 85] в рамках общегуманитарного тезаурусного подхода.

Например, Л. П. Дядечко для обозначения крылатых слов и выражений предложила использовать термин *эптоним* (от греч. *epēa pteroenta* – «слова крылатые») [7]. Под эптонимом исследователь понимает цитату из какого-либо текста, которая включается в иной контекст как «готовая единица большого экспрессивного заряда в силу ассоциативно-генетической связи с первоисточником» [8, с. 192]. Эптонимы обладают следующими признаками: 1) узнаваемость, массовая воспроизводимость в различных ситуациях; 2) «специфическое происхождение» (автор или, по крайней мере, текст-источник известны); 3) высокая степень экспрессивности; 4) «культурно-национальная и социумная стереотипизированность»; 5) тенденция к краткости, языковой экономии [9, с. 32].

В целом некоторые характеристики эптонимов схожи с теми, которые выделяют В. А. и Вл. А. Луковы по отношению к крылатым словам как культурным константам: 1) обладают обобщенным содержанием; 2) известны, понятны и значимы для носителей той или иной культуры; 3) свидетельствуют о некотором уровне культуры как тех, кто их использует, так и тех, кто способен их понять [10, с. 235].

ШЕКСПИРОВСКИЕ ЭПТОНИМЫ

У. Шекспир подарил человечеству большое количество афоризмов, крылатых слов и выражений, которые выступают как «вербальные свидетельства константных скреп культуры» [4, с. 85]. Фразы его героев “To be, or not to be: that is the question” («Быть или не быть, вот в чем вопрос»), “A plague on both your houses” («Чума на оба ваши дома!»), “All the world is a stage...” («Весь мир – театр») и многие другие известны далеко за пределами англоязычных стран и употребляются в самых разных контекстах [11; 12].

Конечно, далеко не все (особенно представители молодежи) с легкостью определяют авторство вышеуказанных и иных крылатых выражений. Еще меньшее количество людей вспомнит, в каком произведении их можно найти и какому персонажу они принадлежат. Тем не менее, многие из этих «вечных фраз» прочно укоренились на отечественной почве и, подобно вечным образам [13], играют значимую роль в трансляции культурно-исторического опыта и, соответственно, в процессе сохранения культурной целостности социума.

Рассмотрим пример перевода на русский язык одной из самых известных шекспировских строк – знаменитой фразы короля Ричарда III “A horse! a horse! my kingdom for a horse!” (V, 4) из одноименной исторической хроники.

Вольный перевод «Коня! Коня! Полцарства за коня!» прочно закрепился в тезаурусе русской культуры, став наиболее популярным и известным из когда-либо предложенных вариантов. Как указывает В. В. Серов, впервые это крылатое выражение появляется «в стихотворном переводе (1833) актера Якова Григорьевича Брянского (1790–1853)», который он выполнил для своего бенефиса, состоявшегося 23 января 1833 г., «не с оригинала, а с французского прозаического перевода, поэтому он неточен» [14, с. 364]. По мне-

нию исследователя, на него также могла оказать влияние традиция русских народных сказок, в которых герою в награду обычно обещаны не только царская дочь в жены, но и «полцарства в придачу».

Исследователь Ю. Д. Левин отмечает, ссылаясь на воспоминания И. И. Панаева, что Я. Г. Брянский не владел иностранными языками, поэтому воспользовался подстрочным переводом, который для него выполнил известный танцор и балетмейстер Карл Людовик Дидло (*Charles-Louis Didlot*; также известен как Шарль Луи Фредерик Дидло) [15, с. 264]. Однако сомнительно, что Дидло знал русский язык настолько хорошо, что мог перевести на него пьесу Шекспира с английского. По крайней мере, В. С. Баевский прямо указывает, что «Дидло не знал русского языка, и русские сюжеты (например, когда он ставил балеты по первым поэмам Пушкина) для него перелагали по-французски» [16, с. 142]. Таким образом, можно предположить, что Я. Г. Брянский все же имел достаточный уровень знания французского языка, который позволил ему сделать переложение шекспировского «Ричарда III».

При всех недостатках этого вольного поэтического перевода его значение для русского театра сложно переоценить. Я. Г. Брянский пошел на ряд значительных изменений, сокращений и дополнений шекспировского текста, однако «его “Ричард III” на фоне дюсисовских переделок имел основание считаться “подлинным” Шекспиром. И таково было мнение публики» [15, с. 266]. Исполнение Брянским роли короля-горбуна в шекспировской трагедии не снискало успеха, однако его перевод заслужил определенное признание среди отечественных любителей Шекспира и оказал влияние на других актеров. Возможно, именно пример Я. Г. Брянского повлиял на В. А. Каратыгина, который, как известно, сам переводил и переделывал пьесы иностранных авторов. Ему принадлежат переводы «Короля Лира» (1837) и «Кориолана» (1840) [15, с. 283].

В январе 1835 г. П. С. Мочалов сыграл главную роль в постановке «Жизнь и смерть Ричарда III» в переводе Я. Г. Брянского и смог добиться определенного успеха. Через пять лет Мочалов получил признание широкой публики, вновь использовав переложение старшего коллеги [15, с. 289]. Возможно, именно этот успех послужил причиной того, что рассматриваемая нами строка из Шекспира в переводе Брянского обрела значительную популярность и со временем превратилась в крылатое выражение, которое чаще всего используют, говоря «о настоятельной просьбе или желании получить что-л., принеся в жертву многое» [17, с. 557].

Так, именно исполнение П. С. Мочаловым роли Ричарда III нашло отражение в стихотворении А. А. Григорьева «Искусство и правда» (1854):

И помню, как в испуге диком
Он леденил всего меня
Отчаянья последним криком:
«Коня, полцарства за коня!»
[18, с. 111; курсив источника. – Б. Г.; 15, с. 294–295].

В литературе можно найти еще более ранний пример использования варианта перевода, предложенного Я. Г. Брянским: А. А. Бестужев-Марлинский употребил его в путевом очерке «Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы» (цикл «Кавказские очерки»), впервые опубликованном в 1835 г. в журнале «словесности, наук, художеств, промышленности, новостей и мод» книгоиздателя А. Ф. Смирдина под ред. О. И. Сенковского «Библиотека для чтения» [19]. Отметим, что в примечании писатель отсылает читателя к шекспировскому оригиналу из «Ричарда III».

Впоследствии русские переводчики попытались предложить более точные эквиваленты: «Коня! коня! Престол мой за коня!» (А. В. Дружинин); «Коня, коня! Венец мой за коня!» (А. Д. Радлова), «Коня! Коня! Корону за коня!» (Б. Н. Лейтин, М. А. Донской), «Коня, коня! Престол мой за коня!» (Г. Е. Бен) и др. Однако ни один из них не смог превзойти по популярности одну «из тех замечательных вольностей, что лучше отвечают духу подлинника, чем самый точный перевод» [20]. Таким образом, не удивительно, что перевод Я. Г. Брянского и различные авторские варианты именно со словом *полцарства* можно найти в большом числе художественных произведений, мемуаров, научных статей и т. п. (Например, поэма «Помещик» И. С. Тургенева, работа «Шекспир и его критик Брандес» Л. И. Шестова, повесть «Журавлиный крик» В. Быкова, роман «Двор» А. Львова, песни «Невеселая песня» В. Р. Цоя, «Полцарства за коня» В. Е. Скородеда и др.). Достаточно большое влияние версия Я. Г. Брянского оказала и на русских переводчиков романа «Королева Марго» А. Дюма, пьесы «Пер Гюнт» Г. Ибсена, романа Г. Уэллса «Колеса фортуны» и др. [21].

Все вышеперечисленные примеры хорошо демонстрируют, что Шекспир «вошел в плоть и кровь русского общества»¹. Но этот случай интересен следующим: большое количество произведений различных жанров, в которых можно встретить данный перевод крылатого выражения из шекспировского «Ричарда III», говорит о том, что неточный вариант Я. Г. Брянского с течением времени превратился в эпитоним, поскольку довольно часто «используется в иных, нежели его прототип, контекстах и с иными целями» [23, с. 6].

Пример данной шекспировской фразы хорошо демонстрирует, чем крылатые выражения (эпитонимы) отличаются, например, от афоризмов и максим: они «обычно более коротки и менее устойчивы, в них допускаются словесные и композиционные замены, что приближает их к фольклору» [10, с. 235]. Отметим также, что в данном случае слово *конь* иногда заменяется на другое [24, с. 278], а слово *полцарства* опять же обычно остается.

Таким образом, отклонение Я. Г. Брянского от прототипа исходного текста придало выражению значительную вербальную силу и экспрессивность, благодаря которым оно укоренилось в тезаурусе русской культуры. В некоторых случаях связь с первоисточником не очевидна, и есть вероят-

¹ Слова Ф. М. Достоевского о Ф. Шиллере. Шекспир, по его мнению, «тоже» стал для русских «родным» [22, с. 102].

ность того, что авторы, использовавшие это выражение в своем творчестве, вполне могли почерпнуть его из более поздних источников, не зная, что автор оригинала – знаменитый британский драматург.

Рассмотрим другой пример. Фраза шекспировского Полония “Brevity is the soul of wit” («Гамлет», II, 2) также превратилась в крылатое выражение в английском языке. Слова отца Офелии являются аллюзией на изречения, приписываемые библейскому царю Соломону: “In the multitude of words there wanteth not sin: but he that refraineth his lips is wise” (Proverbs 10:19), “A fool’s voice is known by multitude of words” (Ecclesiastes 5:3) и “He that hath knowledge spareth his words” (Proverbs 17:27) [25].

Дословно на русский язык его можно перевести как «краткость – душа остроумия» или «краткость – душа ума». Большинство переводчиков «великой трагедии» Шекспира были единодушны и предложили версию «краткость есть душа ума» / «краткость – душа ума» (А. И. Кронеберг, М. Л. Лозинский, А. Д. Радлова, Б. Л. Пастернак, В. З. Ананьин). Вариации можно встретить, например, у Ю. И. Лифшица («краткость – дух ума»), В. Н. Рапопорта («краткость – это мудрости душа»), В. Р. Поплавского («Чем глубже мысль, тем проще изложение»).

Очевидно, что все эти варианты не стали общеупотребительными. Наиболее распространенным в русском культурном тезаурусе является знакомое практически всем выражение «Краткость – сестра таланта», которое принадлежит А. П. Чехову. 11 апреля 1889 г. он использовал его в письме своему брату Александру Павловичу: «Краткость – сестра таланта. Памятуй кстати, что любовныя объяснения, измены жонь и мужей, вдовьи, сиротския и всякая другия слезы давно уже описаны. Сюжетъ долженъ быть новъ, а фабула можетъ отсутствовать» [26, с. 337–338].

Конечно, нет доказательств того, что именно шекспировский «Гамлет» стал для русского писателя источником этой идеи. Однако, учитывая тот интерес, который проявлял А. П. Чехов к творчеству английского драматурга, такая вероятность существует. Можно предположить, что выражение возникло под влиянием сразу нескольких писателей. Так, кроме Шекспира это мог быть Г. де Мопассан. В 1914 г. в журнале «Вестник Европы» вышла статья Л. П. Гроссмана «Натурализм Чехова», в которой он заявил, что именно французский писатель был «во главе учителей Чехова» [27, с. 216]. По его мнению, «непосредственным и главным учителем литературной формы неизменно оставался для Чехова Мопассан. При чеховской любви к краткости, при его пристрастии к маленькому рассказу, Мопассан показался ему непревзойденным художником. Он дал Чехову совершенные образцы ярких литературных пейзажей в трех строках и полных человеческих характеристик в нескольких штрихах. Он убедил Чехова, что *краткость – сестра таланта*, и научил его сжимать свои образы и раздумья до последней степени концентрации» [27, с. 229] (курсив наш. – Б. Г.).

Чеховское выражение получило в XX столетии большое распространение в отечественном культурном тезаурусе в самых различных контекстах.

Особенно в разнообразных пособиях по развитию речи, учебниках по русскому языку и т. п. В современной художественной литературе также можно легко его найти в произведениях различных жанров (например, в сценарии фильма «Старики-разбойники» Э. В. Брагинского и Э. А. Рязанова, в романах В. Г. Сорокина «Теллурия» и Н. В. Гайдука «Златоуст и Златоустка: история несбывшегося гения» и др.).

Отметим, что в современной культуре эпитоним «Краткость – сестра таланта» иногда видоизменяется или дополняется, тем самым приобретая новые смыслы. Например: «Краткость – сестра копирайтера» (Д. Каплунов), «Краткость – сестра таланта, но мачеха гонорара» (А. Свободин), «Краткость – сестра таланта, мать глупости и теща гонорара» (анекдот). Также можно найти примеры того, как чеховский эпитоним оказывает влияние на современных преподавателей английского языка и переводчиков, которые используют именно его при переводе шекспировского выражения на русский язык.

Таким образом, можно предположить, что шекспировское крылатое выражение “Brevity is the soul of wit” также получило в русской культуре распространение в несколько видоизменном виде благодаря А. П. Чехову. Все другие версии перевода слов Полония хотя и являются более точными, но существенно уступают чеховскому эпитониму по частоте употребления. Нельзя утверждать с полной уверенностью, что чеховский афоризм, ставший квинтэссенцией его творческого стиля, возник исключительно как авторский вольный перевод строки из шекспировской пьесы. Тем не менее, такую вероятность не следует полностью исключать.

Оба примера шекспировских крылатых выражений, получивших достаточно широкое распространение в отечественной культуре в несколько видоизменном виде, свидетельствуют о большой силе русского национального культурного кода, который способен вобрать в себя фразы иностранных авторов, переработать их, придать национальный окрас. Все это, на наш взгляд, никак не контрастирует с шекспировской картиной мира. Таким образом, крылатые выражения «Коня, коня! Полцарства за коня» и «Краткость – сестра таланта» вполне можно назвать яркими примерами шекспиризма в русской культуре [28].

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин, В. В. Россия : национальный вопрос / В. В. Путин // Независимая газета. – 2012. – 23 января. – URL: https://www.ng.ru/politics/2012-01-23/1_national.html (дата обращения: 17.09.2017).
2. Луков, В. А. Тезаурусный подход в гуманитарных науках / В. А. Луков, Вл. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2004. – № 1. – С. 93–100.
3. Луков, В. А. Тезаурусы : Субъектная организация гуманитарного знания / В. А. Луков, Вл. А. Луков. – М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2008. – 784 с.

4. Луков, В. А. Тезаурусы II : Тезаурусный подход к пониманию человека и его мира / В. А. Луков, Вл. А. Луков. – М. : Изд-во Нац. ин-та бизнеса, 2013. – 640 с.
5. Луков, Вл. А. «Культурный канон» отечественной литературы / Вл. А. Луков // Отделение гуманитарных и общественных наук РФФИ [Российский гуманитарный научный фонд]. – URL: <http://www.rfh.ru/index.php/ru/obyavleniya/novosti/136-vnimaniyu> (дата обращения: 17.09.2017).
6. Демьянков, В. З. Концепция «канонического списка» литературы / В. З. Демьянков // Отделение гуманитарных и общественных наук РФФИ [Российский гуманитарный научный фонд]. – URL: <http://www.rfh.ru/index.php/ru/obyavleniya/novosti/136-vnimaniyu> (дата обращения: 17.09.2017).
7. Дядечко, Л. П. Крылатые слова как объект лингвистического описания : история и современность / Л. П. Дядечко. – Киев : ИПЦ «Київ. ун-т», 2002. – 291 с.
8. Дядечко, Л. П. Основные принципы современной эпиграфии / Л. П. Дядечко // Славян. языки в свете культуры : сб. ст. / отв. ред. М. А. Алексеенко. – М. : А Темп, 2006. – С. 188–204.
9. Дядечко, Л. П. Крилаті слова в російській мові : системно-функціональний та лексикографічний аспекти : автореф. ... д-ра філол. наук / Л. П. Дядечко. – Киев, 2003. – 34 с.
10. Луков, Вл. А. Крылатые слова / Вл. А. Луков, В. А. Луков // Знание. Понимание. Умение. – 2009. – № 2. – С. 235–238.
11. McQuain, J. Coined by Shakespeare : Words and Meanings First Used by the Bard / J. McQuain, S. Malles. – Springfield, MA : Merriam-Webster, 1998. – 273 p.
12. The Arden Dictionary of Shakespeare Quotations / W. Shakespeare ; comp. by J. Armstrong. – London : Bloomsbury UK, 2013. – 396 p.
13. Гайдин, Б. Н. Вечные образы как константы культуры : тезаурусный анализ «гамлетовского вопроса» / Б. Н. Гайдин. – Saarbrücken : Lambert Academic Publishing, 2011. – 212 с.
14. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений : более 4000 ст. / авт.-сост. В. Серов. – 2-е изд. – М. : Локид-Пресс, 2005. – 880 с.
15. Левин, Ю. Д. Русский романтизм / Ю. Д. Левин // Шекспир и русская культура ; под ред. акад. М. П. Алексеева. – М. ; Л. : Наука, 1965. – С. 201–315.
16. Баевский, В. С. О театральных строфах «Евгения Онегина» / В. С. Баевский // Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Отделение лит. и яз. Пушкин. комис. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – Вып. 20. – С. 139–150.
17. Шулежкова, С. Г. И жизнь, и слезы, и любовь : происхождение, значение, судьба 1500 крылатых слов и выражений русского языка / С. Г. Шулежкова. – М. : Флинта ; Наука, 2011. – 846 с.
18. Григорьев, А. А. Искусство и правда / А. А. Григорьев // Стихотворения. Поэмы. Драммы / А. А. Григорьев; подгот. текста, сост., вступ. статья и примеч. Б. Ф. Егорова. – СПб. : Академ. проект. – С. 110–116.

19. Марлинский, А. Дорога от станции Алмалы до поста Мугансы / А. Марлинский // Библиотека для чтения. – 1835. – Т. XII. – С. 20–34.
20. Урнов, Д. М. На благо лошадей : конный мир за последние семьдесят лет : очерки иппические [Электронное издание] / Д. М. Урнов – М. : Изд-во им. Сабашниковых, 2011.
21. Гайдин, Б. Н. «Коня! Коня! Полцарства за коня!» : вольный перевод шекспировского эпитонима в тезаурусе русской культуры / Б. Н. Гайдин // Знание. Понимание. Умение. – 2017. – № 2. – С. 183–201.
22. Достоевский, Ф. М. Книжность и грамотность. Статья первая. Ф. М. Достоевский // Собр. соч. : в 15 т. / Ф. М. Достоевский. – СПб. : Наука. – Т. 11 : Публицистика 1860-х годов. – С. 88–105.
23. Дядечко, Л. П. Фразеологическая судьба главного коммунистического лозунга в восточнославянских языках / Л. П. Дядечко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 3 (53). – С. 5–12.
24. Ашукин, Н. С. Крылатые слова : Литературные цитаты ; Образные выражения / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М. : Гослитиздат, 1955. – 668 с.
25. Hostetler, V. The Bard and the Bible : A Shakespeare Devotional / V. Hostetler. – Franklin, TN : Worthy Publishing, 2016. – 384 p.
26. Чехов, А. П. Письмо CLXXIII Ал. П. Чехову. (С подлинника) / А. П. Чехов // Письма А. П. Чехова : в 6 т. / А. П. Чехов. – М. : Изд. М. П. Чеховой, 1912. – Т. 2 : 1888–1889. – С. 337–338.
27. Гроссман, Л. П. Натурализм Чехова / Л. П. Гроссман // Собр. соч. : в 5 т. / Л. П. Гроссман. – М. : Совр. проблемы, 1928. – Т. IV : Мастера слова. – С. 199–236.
28. Захаров, Н. В. Шекспиризм русской классической литературы : тезаурусный анализ / Н. В. Захаров ; отв. ред. Вл. А. Луков. – М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2008. – 320 с.